

От национального кризиса к национальному созреванию: в поисках адекватной модели

Какой национальный кризис первичнее: в теории или на практике?

Стремление к наиболее точному формальному описанию национальных реальностей нередко приводит к редукционизму, упрощенному пониманию проблемы. Конечно, интегральная, логически стройная и формально непротиворечивая картина мира кажется привлекательнее разрозненных, трудно складывающихся в систему знания отдельных фрагментов. Серьезным препятствием для целостного видения национальной проблемы являются непреодоленная сугубо предметная организация знания и замкнутость многих исследователей в «скорлупе» узкой специализации. Такой узкопредметный подход не пригоден для изучения многоуровневых по своей природе современных национальных процессов.

Трудности межпредметной интеграции в изучении национальной проблематики не являются сегодня сугубо академическими. Системность подхода и работа с междисциплинарными многомерными моделями — необходимое условие формирования рациональной и дальновидной национальной политики.

Подходы к процессам национального развития в разных парадигмах существенно отличаются один от другого, и для различных познавательных задач один может оказаться более эвристичен, нежели другой.

Понимание этносов и наций как неких преимущественно биосферных, почти природных, «метафизических» (в духе работ Л. Гумилева) образований логически ведет к иным конкретным результатам, нежели их понимание в духе марксистской парадигмы, в контексте которой национальное сознание и самосознание видятся как вторичные процессы, отражающие «объективное» развитие этногенеза. В свою очередь, и та и другая парадигмы отличны от системы взглядов, сфокусированных на субъективных сторонах наций и этносов как «воображаемых общностей», зависимых от изменчивых и изменяемых политиками структур человеческого сознания (этнической и национальной идентичности). Этнос в своей политической ипостаси выступает как «воля и представление», как своеобразная «социальная фантазия», магическая реальность. Но вера в существование такой реальности в политике способна эффективно заменять онтологическое существование этнических и национальных реалий. В западной социологии эта способность общественного сознания выступать как бы демиургом политических реалий рассматривается как важнейший механизм политического процесса. Из отечественных ученых наиболее активно пропагандирует такое понимание этнополитических процессов В. Тишков.

Юсуповский А. М. — кандидат философских наук, консультант аналитического центра Совета Федерации Федерального собрания РФ.

Связь между теоретическими представлениями о нациях и состоянием межнациональных отношений, способностью регулировать межнациональные конфликты на практике не прямая, но она, безусловно, существует.

В поисках адекватной концепции нации

Не вдаваясь в дискуссию о природе этносов и наций, попытаемся взглянуть на нацию как на сложно структурированную самовоспроизводящуюся целостность, поставив в центр внимания процессы национального развития (отнюдь не плавные, однородные и равномерные, какими их подчас изображают), имеющие свою динамику, амплитуду, своего рода «волны». При взгляде на национальное развитие как воспроизводство существенными становятся циклический характер процессов этнического и национального развития, внутренние и внешние ресурсные ограничения (хотя, конечно, циклическое воспроизводство наций и национальных отношений не сводимы лишь к отдельной стороне, будь то этнокультурное или экономическое развитие конкретной общности). Такой подход может способствовать преодолению кризиса в нашей «нациологии», однако следует отдавать отчет в том, что какие-то моменты предлагаемой концептуальной модели являются спорными.

Представляется, что для понимания сложного механизма национальной динамики необходимо вычленив различные уровни анализа. Но вычленение этих уровней не произвольно. Оно фиксирует объективную (в той мере, в какой вообще в социальном мире и в мире культуры существует объективность) структуру наций. Эти уровни можно рассматривать как относительно самостоятельные циклы, своего рода воспроизводственные контуры, синтез которых позволяет моделировать развитие наций. Мне уже приходилось уподоблять структуру нации аллотропии химического элемента, когда в зависимости от структуры один и тот же элемент «carbon» существует и как уголь, и как графит, и как алмаз. Развитие нации сочетает в себе одновременно и этническое, и социальное, и политическое воспроизводство нации¹.

Первый уровень — процесс воспроизводства нации как этнокультурной общности. В качестве понятийной гипотезы рассмотрим этносы не как четко разграниченные единицы культуры, общества, а, скорее, как «этнический континуум» из множества перекрывающих друг друга, перетекающих друг в друга общностей. Даже в традиционных аграрных обществах, где роль этничности как структурирующего общества фактора важнее, чем в индустриальном и постиндустриальном, отмечал Э. Геллнер, «имеется всего лишь богатейший набор пересекающихся, несогласованных, подтверждающих личный статус культурных различий, редко порождающих нации в современном смысле»². Таким образом, проблема границ наций — проблема не столько этнокультурная, сколько политическая. Одновременная включенность как личности, так и этноса в надэтнические (конфессиональные, хозяйственные, территориальные, языковые и т. д.) общности делает национальную и даже этническую идентификацию производной не столько от принадлежности к этносу или нации, сколько от политических соображений.

Противоречия этнокультурного воспроизводственного контура и являются этническими проблемами в собственном смысле этого слова, а не символами проблем иного порядка — экономических, социальных, политических неурядиц.

В России можно констатировать своеобразную «многоукладность» этнического воспроизводства, имеющую для разных этносов различные значимость и приоритетность.

Для некоторых народов, например малых народов Севера, вообще коренных народов (под которыми в международном праве понимаются народы, ведущие

¹ См. Юсуповский А. М. Кризис национальных отношений в СССР как система проблем. «Свободная мысль», 1991, № 13.

² Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991, с. 131.

традиционный образ жизни и нуждающиеся в специальном покровительстве) или дискриминируемых на основе этнической принадлежности общностей, эти проблемы являются ключевыми, поскольку для них реальны угроза их этническому существованию, возможность ассимиляции, депопуляции, размывания хозяйственной основы их существования как этноса.

Этническая основа национального развития — величина переменная. Это означает, что споры типа «является ли нация этносом или нет» во многом надуманны. Нацию нельзя редуцировать до этноса, но нельзя и игнорировать этнические этажи национального развития, как делают некоторые энтузиасты западной модели «nation—state», считающие панацеей от наших межнациональных трений и конфликтов понимание нации как «согражданства». Применение заимствованных парадигм и готовность их реализовать на практике, преодолевая «ненаучные заблуждения», могут выглядеть привлекательными — с точки зрения политической конъюнктуры — как теоретический ответ на вызов этнократической идеологии. Но такой подход вполне может быть использован (а значит, наверняка будет использован) в России как обоснование национального и этнического нигилизма, противопоставляющего, сталкивающего этническое и социальное развитие. Национальное развитие (или возрождение) не сводимо к своим этническим основам, но подразумевает их. В России тем более стоит учитывать большую значимость и переплетенность с этнической компонентой понятия «нация», нежели в западной (и особенно американской) традиции, культуре, менталитете, науке.

В качестве рабочей гипотезы выдвину тезис, что основа развития нации может быть как моноэтнической, так и полиэтнической. С помощью такой постановки вопроса мы избавимся по крайней мере от псевдопроблем, на которые тратится немало энергии. Например, от дискуссии о том, какую общность называть в России нацией и какой критерий брать в основу ее выделения: политике-государственный (согражданство) — тогда можно в лучших западных традициях говорить о российской нации; или этнический (принадлежность к русской культуре) — тогда нация может быть только русской.

С точки зрения воспроизводственного подхода эта идеологическая, надуманная и непродуктивная антиномия теряет смысл, оказывается схоластическим и бессмысленным спором, ибо практическим вопросом становятся не дилемма «русский» или «российский» и не попытки внедрения в общественное сознание идеи «нации как согражданства», а поиск оптимальной формулы полиэтнического согражданства. Каковы должны быть оптимальные механизмы для полноценного соразвития и этнических культур, и социального организма, и государства («русскости» и «российскости», если употреблять не особенно осмысленную терминологию отечественных «демократов» и «патриотов»? Каковы механизмы поддержания динамического баланса различных элементов системы? Какие институты адекватны таким образом сформулированным задачам?

Исключительно моно-, преимущественно моно- или полиэтнический характер развития зависит уже от конкретной истории того или иного народа. В стремлении найти оптимальную формулу полиэтнического согражданства стоит задуматься о причинах стабильного соразвития, скажем, швейцарских этносов в рамках единого социального организма и государства, швейцарской полиэтнической нации — развития, замешанного не на этническом и национальном нигилизме, а на понимании взаимосвязей этнического развития и иными «этажами» и «воспроизводственными контурами».

Следует оговориться, что этническое воспроизводство не сводимо к воспроизводству национальной одежды, апологии национальной истории, возрождению фольклора, обычаев, традиций. Это глубинный, сложный процесс воспроизводства менталитета, этнической идентичности, этоса, духовное освоение культурного наследия и трансформация его ценностей в соответствии с задачами времени. Этническое воспроизводство — это формирование положительных

этнических автостереотипов и позитивной самооценки в каждом новом поколении.

Обычно рассмотрение проблем этнического воспроизводства констатирует недооценку этнической специфики, трудности ее сохранения и возрождения в современных условиях. Важно, однако, учитывать не менее пагубное воздействие на развитие и модернизацию наций «этнического перепроизводства», «избытка этничности». Примером может служить Чечня, где даже не этнос, а тейпы (роды) начинают играть роль основной структурной единицы общества, тейповая принадлежность становится значимым фактором общественной и политической жизни, реанимированные архаичные обычаи кровной мести и обычного права вытесняют институт права как регулятивный механизм. Тем самым блокируются перспективы модернизации общества, консервируются архаические социальные и политические механизмы.

Второй уровень — процесс воспроизводства нации не как этнического, а как социального организма. Проблемы этого воспроизводственного процесса отличны от собственно этнических, но тесно с ними переплетены. Например, от того, какая стратегия включения в мировой рынок будет избрана, на какую структурную перестройку экономики будет взят курс, во многом зависит и то, какие будут заданы структуры межэтнического и межнационального взаимодействия. Ориентация на создание рыночных институтов или, напротив, стимуляция псевдорыночной модели, перераспределяющей в Центре ресурсы, окажут различное воздействие на разные регионы и их население.

Любой социальный организм структурирован сложным образом, занимает определенную нишу в международном и региональном разделении труда, характеризуется определенным уровнем развития. В полиэтничном обществе противоречия этнического и социального уровней тесно переплетены между собой, и проблемы, возникающие на их основе, целесообразно называть «социальными» и «этносоциальными», отличая от собственно этнических. Например, проблемы создания рабочих мест в трудоизбыточных и малоземельных республиках Северного Кавказа или конфликты, вытекающие из несостыковок этнической и социальной структур, борьбы за выгодные и престижные ниши в социально-профессиональной структуре, формирование национальных и этнических элит — это проблемы иного порядка, нежели проблемы этносов, стоящих перед угрозой ассимиляции, сохранения языка и идентичности.

Важность этого среза национальных реальностей признавалась марксизмом, хотя и в специфической форме. Проблема «социального типа» наций, вопрос о том, какой слой является доминирующим в экономике, культуре и т. д., вполне реальна. Как пишет видный французский социолог П. Бурдьё, «группа определена через того, кто говорит от ее имени»³. К этносам и нациям это относится в полной мере. Этнократические элиты как раз и пытаются сформировать политического субъекта, используя этническую принадлежность и этническую солидарность в функции политической лояльности.

Третий уровень — проблемы собственно этнополитические. Ключевой вопрос здесь: в какой мере национальное развитие вообще зависит от национальной политики, от этнического фактора, используемого в политических целях?

Этническая принадлежность стала значимым признаком в организации власти. Задачи повышения эффективности, качества власти и управления переводятся в бесплодное русло обеспечения «представительства». Этническое сознание становится основой для подбора кадров, и в некоторых республиках трудовые коллективы формируются на основе этнической, земляческой, клановой солидарности. В регионах делаются попытки монополизировать отдельные выгодные и престижные экономические «ниши» и профессии представителями конкретных этносов. Это автоматически придает любому социальному и политическому

³ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993, с. 89.

противоречию или столкновению экономических интересов взрывоопасность и ожесточенность межэтнического противоборства.

Воспроизводство нации — это воспроизводство саморазвивающейся целостности. Но саморазвитие есть не мистический процесс, а работа конкретных социальных, культурных и политических институтов, реализующих цикл воспроизводства в своей деятельности. Ключевая, организующая роль в этих процессах принадлежит государству. В России роль государства исключительна, оно выполняло и те функции, которые в процессе воспроизводства иных наций выполняли рынок или гражданское общество. Это почти автоматически создавало предпосылки искусственной политизации проблем этнического развития. Практически любой вопрос, скажем, язык обучения в начальной школе или издание детской литературы на родном языке, превращался в государственный вопрос (но только в том смысле, что решение принимала государственная инстанция).

И теперь уже ясно, что разрушение «тоталитарного государства», его всевластия одновременно было разрушением основного института и основных механизмов воспроизводства нации. Тем более, что процесс разрушения, мотивированный и идеологически оправдываемый разными версиями импортного либерализма (чем меньше государственного вмешательства и регулирования, тем лучше), обгонял формирование институтов, способных переключить на себя выполнение функций, традиционно осуществляемых государством. Проводимая политика перехода к рынку, уход от традиционного государственного вмешательства ведут к побочным следствиям — от коммерциализации средств массовой информации к принципам остаточного финансирования госбюджетных сфер образования и культуры. А эти процессы оказывают самое непосредственное воздействие на воспроизводство этнической и национальной культуры, сознания.

Построенная уровневая многоконтурная модель позволяет интерпретировать главную причину всех межнациональных противоречий, перерастающих в конфликты, как рассогласование функционирования этнокультурных, социально-экономических, политических контуров воспроизводства нации, как разбалансировку механизмов, «замкнутых» на государство. Именно понимание реального хода структурных изменений в перечисленных уровнях дает возможность прогнозировать динамику национальных процессов, увидеть их взаимосвязь и взаимозависимость. Политическая роль этнических и национальных моментов выступает в этой модели, с одной стороны, как переменная, определяемая множеством разнородных воздействий и импульсов, с другой стороны, как либо катализатор, либо нейтрализатор процессов, идущих в различных областях общественной жизни.

Стоит разделять этничность «естественную», складывающуюся в процессе этногенеза, и «вторичную», индуцированную политикой. Во втором случае мы имеем дело с искусственным образованием, отвечающим интересам политического субъекта. Политически это квазиэтническое образование способно действовать как реальная группа, но по отношению к интересам этнического и национального развития оно является артефактом, химерой в том смысле, что этническим границам, свойствам, ценностям, идентичности приданы не свойственные им ситуативные политические функции: этнокультурное своеобразие, этническая идентичность используются как средство политической мобилизации, легитимизации и делегитимизации власти и т. д. Сегодня «этнос», «национальный интерес» используются в политической борьбе примерно так же, как понятия «бог» и «божья воля» в религиозных войнах.

Модели легитимности в ретроспективе и этнополитическое самоопределение народов России

Основную проблему, стоящую сегодня перед народами России, можно было бы сформулировать как проблему самоопределения в политическом — и как следствие — в этническом и национальном планах. Но народы в этом процессе рассматриваются, скорее, как объект воздействия. Для групп, слоев, клик, способных выступить как политический субъект, проблемой являются упрочение своих

позиций, создание и внедрение в массовое сознание новой легитимности собственной власти. Национальное самоопределение поэтому детерминируется во многом задачами и интересами претендентов на роль новой элиты, их самоопределением, политическим соперничеством. Поэтому этнополитическое самоопределение — прежде всего выбор стратегического варианта политического развития народов, населяющих страну. В социокультурном плане это выбор норм, регуляторов межнациональных и политических взаимоотношений.

Важнейшим в механизме этнополитического самоопределения является личностный уровень: процессы, происходящие в душе человека, интериоризация идущих извне импульсов (готовых рецептов, событий прошлого, текущей ситуации). Одни факты, версии, способы категоризации действительности, оценки личности принимает полностью как «свои», другие отвергает. Одни воспринимает на эмоциональном уровне, некритически, другие усваивает после критического анализа. Идентификация себя в этнополитической реальности выполняет функции регулятора собственного поведения в обществе, в политике и в национальной политике в частности.

Социокультурная детерминация политики в современных условиях играет не меньшую роль, нежели экономическая, и реальный ход политических процессов во многом определяется социокультурными факторами.

Не случайно в фокусе современных теорий национализма находится именно культура. «Национализм — это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать... это теория политической законности, которая состоит в том, что этнические границы не должны пересекаться с политическими», — формулирует суть своего подхода один из наиболее интересных западных исследователей национализма⁴. В такой постановке проблемы четко прослеживаются ключевое противоречие современной этнополитики и исходная установка, являющаяся движущей силой различных националистических идеологий. Для науки и философии было бы продуктивно взвесить и оценить плюсы и минусы такого подхода. Стремление политиков жестко и однозначно структурировать общество в одномерных политических единицах с четко фиксированными границами, желаемой политической идентичностью, способной в ситуации выбора действовать лишь в алгоритме «или-или», приводит в противоречие с этнокультурными реалиями современного мира. Издержки этого стремления заключить многомерный этнокультурный континуум с неоднозначной этнокультурной идентичностью (где выбор осуществляется весьма часто по алгоритму «и-и», поскольку нормой, а не исключением является одновременная принадлежность к разным культурным «мы») становятся все большими. Соответственно, растут цена подчинения этноса политике, опасность попыток заключить этнокультурные общности в жесткий политический корсет. Строить межэтническое взаимодействие сугубо по правилам и готовым образцам взаимодействия политического в современном мире становится крайне опасно. Но есть ли иной, не столь разрушительный и взрывоопасный путь взаимодействия этнокультурной специфики и политики?

Представление о том, что власть в обществе должна обязательно соответствовать этнической принадлежности управляемых, не есть универсальная норма, хотя в нынешней политической борьбе этническая карта активно разыгрывается. Впрочем, в пропагандистском обосновании необходимости учета этого принципа господствует конъюнктура. Достаточно вспомнить, как этническая принадлежность Р. Хасбулатова превратилась из аргумента в его пользу (в многонациональной России спикером должен быть представитель «недержавной» нации) в аргумент «против» (авторитет представительной власти будет прочнее, если ее будет возглавлять русский). Причем эту эволюцию за считанные годы проделали практически одни и те же люди, уверявшие, будто они последовательно придерживаются определенных принципов.

⁴ Геллнер Э. Указ. соч., с. 23—24.

В исторической ретроспективе структура легитимности власти не всегда включала в себя этническую компоненту. В условиях господства династических принципов и представлений о божественной природе власти гораздо более важным было то, что властитель «царских кровей». «Божественное обоснование» королевской власти не нуждалось в дополнительных этнических аргументах. И иноэтничные монархи — от варяжских князей до Екатерины II в России, немецкие династии в Болгарии, Греции, французские в Польше, мамлюки в Египте и т. д. — были если и не правилом, то и не исключением. Лишь по мере обветшания мифа о сакральной природе власти в конце XVIII века и смены оснований легитимизации власти (суверенные права народа), а также в результате послереволюционных войн Наполеона вопрос о принадлежности к династии и конфессии переплетается с ображениями этнической принадлежности, и они начинают рассматриваться как политически существенные. Проблема подданных осознается как национальный (Ирландский, Польский) вопрос. Династические войны трансформируются в отечественные и освободительные (Испания, Россия, Германия), политическое самоопределение наций становится рациональным обоснованием преодоления феодализма и либо объединения государств (Италия, Германия), либо развала (Оттоманская, Австро-Венгерская империи). Но важно отметить, что не столько этнокультурное своеобразие явилось причиной этих вопросов, сколько использование его новыми политическими субъектами. Сам термин «нация» обозначал, скорее, активное начало политики, а не этническую общность.

Марксистская попытка «диалектически снять» и переформулировать вопрос о взаимоотношении этноса и государственности, по сути, оказалась тем же гегельянством, поскольку нации понимались как строительный материал для высшей общности — государства. Отсюда главный критерий деления народов: на «исторические» и «государственные», с одной стороны, и «неисторические», «не способные к созданию собственной государственности» — с другой.

Марксизм в его сталинской версии, сохранив в неявном виде идею подчинения этнокультурного начала государственно-политическому, трансформировал пролетарский интернационализм в национальный нигилизм, способствовал созданию этнополитических химер. В плоскости политического проектирования нации интересовали Сталина только как строительный материал пролетарской государственности и ресурс в политической борьбе. «Вождь народов» весьма успешно подчинял межнациональные отношения политической целесообразности (т. е. интересам сохранения своей власти), попеременно уничтожая своих противников, надевая им то маски «великорусских шовинистов», то «национал-уклонистов» и «буржуазных националистов», предоставив потомкам и по сей день блуждать в поисках адекватного определения своей национальной политики в широком спектре неадекватных терминов от «руссофоба» до «русского шовиниста».

Из этой эпохи унаследована иррациональная зависимость возможностей этнокультурного и социально-экономического развития территорий и наций от статуса национально-государственных образований. Искать здесь какую-либо иную логику, кроме соображений укрепления политической власти, бесполезно. В свое время Сталин, создавая основы национально-государственного строительства, перечислял различные варианты автономии: «от узкой административной автономии (немцы Поволжья, чуваша, карелы) она переходит к более широкой политической автономии (башкиры, татары Поволжья, Киргизия); от широкой политической автономии — к еще более расширенной ее форме (Украина, Туркестан), наконец, — к высшей форме автономии, к договорным отношениям (Азербайджан)»⁵.

В этом ранжире автономий, созданных неизвестно по какому основанию, детьми народы на высшие и низшие разряды, уже заложены те отступления от принципа равноправия наций, над преодолением которых мы бьемся по сей день.

⁵ Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1939, с. 80—81.

Важно подчеркнуть преемственность сталинской модели легитимности власти и моделей нынешних. Сталинская легитимность была основана на механизмах одномерной «классовой» идентификации и способах категоризации социальных групп, где выделялся гегемон — политическая опора режима. Сегодня этнополитическая технология манипуляции общественным сознанием и политической мобилизации кажется более эффективной, чем классовая. Но она продуцирует такое же одномерное идеологизированное сознание, базирующее на прямолинейной идентификации личности с группой. Это сознание столь же вторично, инструментально, индуцировано политикой. И эта искусственная этничность (этничность второго порядка) и формируемое на ее основе «национальное самосознание» имеют такое же отношение к интересам этнического воспроизводства и развития, как декларируемая «пролетарскость» и «классовое сознание» сталинской эпохи к интересам рабочего класса.

Таким образом, самоопределение политических элит было и остается основным фактором, деформирующим самоопределение наций.

Смена моделей легитимности власти и варианты этнополитического самоопределения

Легитимность власти, ее «внутреннее оправдание», добровольное подчинение, принятие ее авторитета (в отличие от «легальности» — соответствия формально юридическим установлениям, мало затрагивающим глубинную неформальную связь субъекта власти и объекта ее воздействия) реализуются через механизм политической идентификации⁶. Сегодня в России смена одного политического режима повлекла за собой попытки укрепить новый режим, сменив основания его легитимности. Не только в республиках бывшего СССР или республиках РФ, но и в российских «верхах» предпринимаются попытки использовать для этих целей этнокультурные факторы.

Смена моделей легитимности власти и различная роль этнических компонент в этом процессе отражают текущую ситуацию и политические потребности. Основным механизмом, позволяющим направлять этнические факторы в политическое русло, является переплетение этнической идентификации и политической.

Этнический, религиозный, языковой факторы, этногенетическая близость и т. д. могут играть различную политическую роль и менять политические знаки на противоположные. Это зависит не от имманентных свойств этих факторов, а от политической ситуации и ориентации использующей их элиты. Выбор этнических маркеров, «естественным образом» обосновывающих неизбежность раскола государства, достаточно произволен, ситуативен, поэтому не этническая дистанция культур или некая культурная несовместимость народов — причина сепаратистских политических действий. Это всего лишь средство их легитимизации. Рождению независимых США, например, не препятствовала этническая близость американцев и англичан. Равно как и полиэтничность швейцарской конфедерации не была препятствием для сохранения на протяжении веков единой Швейцарии, государственность которой стала «своей» для этих этнических и языковых общин. Славянская культурная близость чехов и словаков как фактор, объединявший их в единую республику при распаде Австро-Венгрии, перестала быть таковой в ситуации последних лет в Чехословакии. Католицизм фламандцев и валлонов, сыгравший в 1830 году роль основания для объединения, пытались использовать фламандские сепаратисты для раскола страны в середине XX века. Исламская конфессиональная общность, послужившая культурной, нравственной и психологической основой для раскола Индии и объединения в Пакистане этнически разнородных общностей в 1947 году, перестала быть таковой в 1971 году, когда Восточная Бенгалия трансформировалась в Бангладеш.

В годы первой мировой войны, например, латвийские ученые доказывали

⁶ См. Вебер М. Избранные произведения. М., 1960, с. 646.

Этногенетическую близость летто-литовских народов к славянам и их культурную отчужденность от германских народов. Думается, что причины такой позиции, учитывая исторические взаимоотношения с Ливонским орденом, прибалтийскими баронами и ситуацией войны, очевидны. С конца 80-х — начала 90-х годов в трудах латвийских журналистов, касающихся вопросов этногенеза, и ученых, выполняющих идеологический заказ новой власти, с не меньшей «убедительностью» доказываются близость тех же племен к германским, их изначальная «европейскость» и культурная дистанция в отношении славян. Сегодня на Северном Кавказе, например, пытаются прикрывать сугубо политические соображения аналогичной этнокультурной аргументацией в качестве оснований дробления Карачаево-Черкессии или Кабардино-Балкарии по этническим границам.

Однако нельзя согласиться и с иной крайностью — утверждениями, что этническое сознание не играет никакой роли (или по крайней мере не должно играть) в парадигме «нация — государство». Опыт многих стран свидетельствует, что в зависимости от политических приоритетов современная «нация — государство» может одновременно и игнорировать, и акцентировать этнокультурные и этнические моменты для обоснования и легитимизации собственной национальной политики. Приведем в пример Германию, акцентирующую этнический момент в вопросе ее объединения, при определении судеб российских немцев. Другим примером может служить Турция, игнорирующая стремление к самоопределению курдской общности, проживающей на территории Турецкого государства, не готовая эксплуатировать этнокультурную близость для легитимизации собственной внешней экспансии. Предметом особого внимания Турции в РФ являются республики, имеющие, по словам посла Турции в РФ, «культурную и этническую общность с Турцией». Стремление к повышению веса Турции в международной политике также обосновывается тем, что Турция отстаивает «интересы тюркского мира». Выдвигаются замешанные на этничности политические инициативы, такие как создание «общего рынка» тюркоязычных стран. Предложение ввести Турцию в СБ ООН также обосновывается необходимостью быть представленным в этом международном, влиятельном органе тюркоязычного мира (в лице представителя этого мира — Турции)⁷.

Европа на собственном опыте неоднократно убеждалась в органичности этнократической компоненты для тоталитарной власти. В докладе 1981 года «О столкновении культур», написанном виднейшим критиком тоталитаризма К. Поппером, идеология национального государства квалифицирована как «ужасное лжеучение», основанное на абсолютно неверном в своей основе требовании совпадения государственных границ с границами этнических территорий. Западные исследователи исходят из первичности политики по отношению к этнокультурным процессам, отдают себе отчет в том, что современные народы и нации есть «продукты государств»⁸.

Альтернатива одномерных этнократических моделей — многомерная, сложно организованная модель этнической и политической самоидентификации, которая доминирует в национальном самосознании современного Запада. «Мы принимаем, мы согласны, что мы испанцы, но мы испанцы в другом виде, чем остальные испанцы. Мы испанцы и одновременно являемся каталонцами. Мы хотим оставаться испанцами, но мы также хотим иметь наш язык, нашу культуру, наши традиционные политические институты, и чтобы реальность того, что мы являемся другим народом, была воспринята в Испании» — в этих словах президента каталонского правительства Жорди Пужоля отражена многомерная модель этнополитической идентичности*.

Структура идентичности многомерного типа позволяет различным этнократическим моделям сосуществовать в универсализирующейся цивилизации, и не случайно известный футуролог Нэсбит намечает контуры такого сосуществования: «Чем более наши образы жизни становятся схожими, тем более прочно мы будем держаться за такие ценности, как религия, язык, искусство и литература.

⁷ «Независимая газета», 2 февраля 1993.

⁸ См. Загер П. Национализм — новая опасность? Фонд демократии. Берн, 1992.

⁹ Нэсбит Д., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М., 1992, с 171.

По мере того как внешние стороны нашей жизни сближаются, мы будем все больше дорожить традициями, порождаемыми внутри нашего общества»¹⁰.

Подобная модель сознания, где этническое сознание слабее политизировано и относительно резистентно к политическим манипуляциям, позволяет избегать межнациональных войн, конечно, не является абсолютной гарантией от межнациональных противоречий и сепаратизма. Можно выдвинуть гипотезу о корреляции типа этнической идентификации и политического сепаратизма. Принадлежность к политическим группировкам, отстаивающая разные стратегии решения североирландской проблемы, соотносится с достаточно четкой этнополитической самоидентификацией. Осознание своей принадлежности к католической общине, ощущение себя «ирландцами» — этнополитическая основа политической линии «республиканцев» (сторонников присоединения к Ирландии). «Лоялисты» — «юнионисты» (сторонники унии с Великобританией) апеллируют к самосознанию протестантской общины, идентификации «британцев». Призывы к созданию независимого Ольстера опирались на попытки сформировать новую нетрадиционную идентичность «ольстерцев», выводящую, по замыслу этой группы политиков, проблему самоопределения из социокультурного тупика дилеммы «республиканцы или лоялисты».

Сходные корреляции можно проследить и в других ситуациях, например в Гаскони, где существуют группы басков, ощущающих себя французами баскского происхождения (и их вполне устраивают политические институты культурной автономии), в то же время политические проекты автономии и независимости апеллируют к «баско-французскому» и сугубо «баскскому» самосознанию.

В России — по крайней мере там, где есть материалы социологических исследований — прослеживаются сходные типы самоидентификации. Например, в Коми-Пермяцком округе, по данным Ю. Шабаева, 22,6% ощущают себя коми-пермяками, 17,9 — русскими, 31,1 — и теми и другими, 23,6% вообще отвергли этническую маркировку и объяснили, что ощущают себя гражданами России¹¹. Можно предположить, что взаимоотношения групп с различной этнокультурной самоидентификацией различаются и по вопросу политических проектов национально-государственного устройства разной степени радикальности.

В СССР первым этапом подрыва власти элиты союзного Центра была ее делегитимизация путем дискредитации, объявления «мнимой» модели идентичности, основанной на чувстве принадлежности к «новой исторической общности» — советскому народу. Представляется, что при всей своей идеологичности идея внеэтнической общности была более адекватна многомерной этнополитической реальности, нежели этнократические модели, пришедшие ей на смену. Отражением разрушительности такого вакуума и потребности в альтернативе этнократической идентичности и являются сегодня идеи «российской нации», рождающиеся в лагере, немало сделавшем для разрушения «советской идентичности». Новая историческая общность — «российский народ» — представляется не более, но и не менее мнимой, нежели прежняя историческая общность — «советский народ».

Противоположную одномерную модель идентичности может проиллюстрировать позиция одного из видных деятелей «Чеченской революции» З. Яндарбиева: «Сегодня очевидно, что ни один народ не сможет сколько-нибудь нормально развиваться без своей государственности. Чем совершеннее форма государственности, тем интенсивнее развитие. Это аксиома: без государства, а значит, и без политических партий сегодня может существовать и развиваться только тот народ, который еще не сложился как единый национальный организм и находится в архаической стадии развития»¹². Наверное, под этими словами, которые развитие нации ставят в жесткую зависимость от наличия и ранга государственности, охотно подписались бы и Гегель, и Сталин. Можно тем не менее спрогнозировать, что для политических субъектов более

¹⁰ Там же, с. 138.

¹¹ См. Шабаев Ю. Народы коми: национальная реальность и политика. «Общественные науки и современность», 1994, № 3, с. 115.

¹² «Кавказский Дом», 27 сентября 1992.

перспективной окажется выделение иных оснований для идентичности. В истории неоднократно складывалась ситуация, когда субъекты политической власти не отражали интересы экономически господствующего слоя. Новые механизмы в полиэтничном обществе могут создавать новую непрерывную систему взаимоотношений, когда борьба этнических элит за политическое господство и влияние на основе использования механизмов этнической самоидентификации и «политизированной этничности» могут стать погоней за миражами. Ибо иные механизмы власти, иные модели легитимности власти, нетрадиционные ресурсы, неэффективные в прошлой истории политические средства окажутся вне поля зрения элиты, «зацикленной» на прошлом, подобно тем генералам, которые готовятся к сражениям прошедшей войны.

«Национальное возрождение» и «рост национального самосознания» (а именно в таких терминах делаются попытки описать происходящие сдвиги в межнациональных отношениях Российской Федерации) не могут реализовываться через описанные выше этнократические социокультурные механизмы, которые во многом просто не адекватны современным задачам развития наций как сложно организованных самовоспроизводящихся целостностей. Подчинение этнического самосознания политике, удержанию власти, политической борьбе деформирует национальное самосознание, размывает достаточно тонкий слой цивилизованных элементов политической культуры, реанимируя даже не национальную, а трайбалистскую, родоплеменную психологию и политику.

Актуализация этничности приводит к примитивизации, деградации структуры национального самосознания, политической культуры как в этическом плане, так и в плане соответствия политики критериям рациональности. Тем самым деформируются не только текущая политическая практика, но и сами критерии принимаемых политических решений. Причем деформация осуществляется на уровне личностных структур, структур этнической и политической групповой самоидентификации. Без возникновения некоего этнически нейтрального «мы», имеющего политическое значение, невозможны ни диалог, ни общенациональное примирение, ни политическая стабильность, достижение которой стало важнейшим условием изменения направления кризисного развития. Акцентировка в политике на факторе этнической принадлежности способна блокировать развитие надэтнических «этажей» наций и национальных отношений, воспроизводство социального полиэтничного организма, целостной политической системы, фрагментируя ее по архаичным и несущественным для развития основаниям.

Структурирование общества из этнополитических новообразований — тупиковый для полиэтничного общества и единого федеративного государства путь, не способный привести ни к демократизации, ни к полноценному национальному миру и развитию. Это доказывает весь мировой опыт. Для России такой путь развития делает лишь более вероятной дальнейшую политическую дезинтеграцию, основания которой могут скрываться не только в экономических интересах (что сегодня находится в центре внимания аналитиков), но и в социокультурной плоскости, ибо политическая дезинтеграция может брать начало и в социокультурной сфере.

Демократизация общества на этнической социокультурной основе, используемой как принцип политической организации, ведет к децентрализованной системе этнократий, прикрывающихся этнокультурной фразеологией «вождизма», еще менее демократичных и открытых для модернизации, нежели тот советский строй, который сегодня определяют как тоталитарный.

Наконец, в условиях информационного общества современные этнополитические технологии позволяют вполне осознанной политической манипуляции камуфлироваться в естественные и «стихийные» коллективные действия. Запланированные политические акции оформляются как «взрыв народного негодования», народный протест и т. д. Тревожит, однако, что политические проекты, сулящие тактический выигрыш конкретной группе политиков, облекаются в формы, издержки которых носят стратегический характер как для многонациональной страны, так и для народов, ее населяющих.